

Годовский Маэстро. Жрец фортепиано

Сто лет назад Одесса была взбудоражена известием о гастролях Леопольда Годовского, пианиста с мировым именем. В газетах гастролера называли "исполнителем века", "феноменальным явлением", "новым Листом". Сравнивая Годовского с Ференцем Листом, критики имели в виду не только виртуозность его игры, но и его многочисленные транскрипции сюит Баха, пьес французских композиторов Люлли и Рамо, вальсов Штрауса и этюдов Шопена. В кассе Городского театра довольно дорогие билеты на концерт выдающегося пианиста разлетелись за считанные часы, и теперь их можно было за двойную цену приобрести только у барышников.

Зал был полон. Все ожидали чуда — и чудо произошло. Леопольд Годовский подтвердил все то, что о нем писали восторженные критики. Те, кто слушал его игру, сохранили яркое впечатление о ней до конца жизни.

Леопольд Годовский родился в феврале 1870 года в маленьком местечке недалеко от Вильно. В раннем детстве он проявил интерес к музыке, обучаясь сначала игре на скрипке, а затем на фортепиано. Постоянных педагогов у него не было. Его способность к самообучению не имела аналогов в истории фортепианного исполнительства, равно как и его последующее фантастическое техническое мастерство. Свой первый концерт мальчик дал в возрасте девяти лет в Вильно, поразив воображение взыскательной публики серьезностью своих творческих намерений. Его называли самородком и вундеркиндом. Но школа все-таки ему была нужна, и Годовский обрел ее в Берлине.

В развитии мирового фортепианного исполнительства и педагогики музыкантам Германии принадлежала ведущая роль. Многие пианисты нашли в этой стране благоприятные условия для развития своих творческих способностей. Поэтому выбор близких Годовского не был случайным. В 1884 году Леопольд поступил в Высшую школу музыки в Берлине, где учился у известных педагогов того времени В. Баргиля и Э. Рудорфа, представителей шуманско-брамсовского направления в исполнительском искусстве. Затем одаренный юноша совершенствовался у известного французского пианиста и композитора К. Сен-Санса.

Различные обстоятельства заставили Годовского в 1890 году покинуть Европу и поселиться в Америке, где он начинает интенсивно выступать с концертами и активно заниматься педагогической деятельностью. В раз-

ные годы он преподавал в Нью-йоркской школе музыки, Филадельфийской и Чикагской консерваториях. В 1892 году Годовский изложил свою концепцию технического развития пианиста, в основу которой был положен метод "весовой" игры, а также принцип экономии и целесообразности игровых движений. Многие из этой концепции было взято на вооружение педагогами во всем мире.

В 1900-е, по 1914 год Годовский жил и работал в Берлине и Вене. Его дебют в Бетховенском зале в Берлине (1900) был триумфальным, он стал началом его мировой известности. Безупречное мастерство "волшебника техники" (как называли Годовского в мировой прессе), его тонкий непогрешимый вкус и ясный художественный интеллект производили неизгладимое впечатление на слушателей многих стран мира. Его ученик Генрих Нейгауз вспоминал, что "в игре Годовского пленял безупречный вкус, филигранная отделка деталей. Он обладал таким изощренным слухом, что, казалось, "взвешивал" звуки на каких-то особо чувствительных весах, создавая своей игрой глубокую звуковую перспективу. Годовский не был художником стихийного темперамента, вроде Антона Рубинштейна. Исполнение его не так захватывало, в нем не было кипучей вулканической страстности. Но точность отделки, кристальная ясность фразировки, совершенство технического мастерства всегда изумляли слушателей. У великого современника Годовского — Бузони — рояль звучал, как оркестр... У Годовского же рояль всегда звучал именно как рояль. Но это был особый — совершенный рояль".

В российской прессе в 1905 году появилась статья В.П. Коломийцева, посетившего один из концертов Леопольда Годовского в Санкт-Петербурге, — кстати, концерт в столице Российской империи состоялся после блистательного выступления пианиста в Одессе. Критик так анализирует игру великого мастера фортепиано: "Техника этого пианиста действительно представляет явление феноменальное, небывалое. Годовский владеет своим инструментом так, как никто еще не владел до него. Главная его особенность заключается в том, что все стороны техники развиты у него с одинаковым, поразительным совершенством. Слушая игру Годовского, вы невольно изумляетесь гениальной конструкции этого живого двуручного аппарата, столь безукоризненно функционирующего. Эта техника должна быть, без сомнения, причислена к чудесам XX столетия. Такое неограниченное господство над инструментом может иметь большое влияние и на дальнейшее развитие остановившейся после Шопена и Листа техники фортепианной композиции".

Годовский был неподражаемым мастером шопеновского legato, фортепиано буквально пело от прикосновения его пальцев. В 1913 году в Америке он впервые сделал свою граммофонную запись на фирме "Колумбия". Записывался он на этой фирме всю свою творческую жизнь. К лучшим записям следует отнести исполнение ноктюрнов Шопена. Они привлекают тонкой передачей поэтического образа пьес великого поляка.

Концертная деятельность Годовского продолжалась около полувека. Он стремился и достигал высших пределов и совершенной законченности виртуозного мастерства, которое можно рассматривать как новую ступень в развитии фортепианной виртуозности, оказавшей влияние даже на некоторых крупнейших мастеров пианизма — Гофмана, Рахманинова.

С 1909 по 1914 годы Годовский руководил классами высшего пианистического мастерства в Венской музыкальной академии. Его уроки были очень популярны, а в классе, численность которого достигала сорока учеников, занимались ставшие впоследствии известными пианисты и педагоги, такие, как И. Добровейн и Г. Нейгауз. Он открыл имена молодых талантливых музыкантов Кароля Шимановского и Артура Рубинштейна.

В занятиях с учениками Годовский, в отличие от многих педагогов того периода, главное внимание обращал на музыку, "на достижение максимальной логики, точности слуха, ясности, пластики на основе тончайшего соблюдения нотного текста и пространного толкования". Основным его тезисом был: "Лучше всего играет тот, кто яснее и логичнее доносит текст". Именно эта музыкальная ясность была драгоценным качеством метода маэстро.

На уроках Леопольд Годовский мало беседовал с учениками и почти никогда не говорил о технике. Его советы касались лишь художественной интерпретации произведения. Годовский прежде всего ценил в учениках интеллект, умение глубоко мыслить. Он считал, "что лучшую технику имеешь в молодости; что техника вообще может совершенствоваться только до 25 лет и что после этого ее можно только сохранять, но не развивать". Он был противником совершенствования техники и преодоления трудностей на материале репертуара ученика: "Когда прелюдия Баха используется для укрепления слабых пальцев или соната Бетховена — для развития равномерности в гаммообразных пассажах, художественное значение музыки больше уже никогда не удастся отъединить в сознании от технической проблемы".

Американский пианист и композитор Абрам Чэзинс в своей книге "Говоря о пианистах" пишет: "Он (Годовский. — Р. Б.) был человеком энцик-

лопедических знаний и веселого, ненасытно любопытного ума. Он был фейерверк интеллекта, обладал редчайшей способностью стимулировать каждого, кто бы ни пришел, пробуждать в каждом обостренную внутреннюю зоркость и требовательность самоанализа... Особенно он был нетерпим к поверхностности и небрежности. Если ученик не обратил внимания на фразировочную лигу или отнесся к паузе в одну восьмую, как к одной шестнадцатой, за его жизнь нельзя было поручиться. "Лишь немногие артисты, — утверждал Годовский, — могут мало-мальски точно запечатлеть нотописью десятую долю музыки, которую они осмеливаются исполнять".

Маэстро считал, что природный талант не имеет значения, если он не развит с помощью точного знания "органических законов" музыки и интерпретации. Он утверждал, что плоды воображения могут созреть, только если они вскормлены фактами. Он говорил, что "плохая игра меньше зависит от малого музыкального таланта, чем от неправильных умственных и мускульных привычек, усвоенных при упражнениях".

Для музыкантов-современников Леопольд Годовский был непререкаемым авторитетом. Если ему нравился исполнитель, он всегда говорил об этом. Если не нравился — молчал, и это молчание было красноречивее всех отрицательных оценок. Он не любил публичности, избегал шумных приемов. Досуг маэстро всегда был посвящен чтению. Библиотека, которая собиралась годами, была его гордостью.

Леопольд Годовский, по воспоминаниям современников, всегда был далек от политики. Его жизнь была подчинена творчеству и только творчеству. Однако два события мировой истории не прошли мимо него. Это первая мировая война и приход к власти фашистов в Германии. Он жертвовал большие суммы денег на помощь американской армии, которая в 1914-1918 годах принимала участие в сражениях на европейском театре военных действий. А когда коричневая чума поразила Германию и стала распространяться по Европейскому континенту, он остро предчувствовал, какие трагедии несет человечеству фашизм.

Леопольд Годовский умер в ноябре 1938 года в США, навсегда оставшись в истории музыкального искусства как блистательный исполнитель и талантливый музыкальный педагог.

